

жизнь такого одного человека была жизнью целого народа, то и целый народ имел бы право гордиться ею. Как же она должна была быть славна, если принадлежала нераздельно одному человеку!

Вот, например, каковы были его скромность, познания и любовь к молитве. Несмотря на обширность своего государства, количество доходов, богатство провинций, он ел, одевался и содержал себя единственно из доходов с того имущества, которое он кушил на часть своей добычи. В отношении общественных доходов он совещался с закопщиками и употреблял в свою пользу только ту часть денег, которую они ему предоставляли. От этого правила он не отступал никогда. В своем одеянии он не дозволял себе вещей, противных религии, как то: шелк, золото и серебро; воздерживался также от вина и запрещал продажу его в своих владениях; не терпел, чтобы оно ввозилось под каким бы то ни было предлогом; если кто-нибудь бывал пойман в нарушении такой его воли, то его показывали со всей строгостью законов, невзирая на различие между лицами.

Я слышал от одного из моих друзей, что Нуреддин виделся со своей женой Ради Катун только в определенном для того месте; кроме того они никогда не встречались; он любил всегда оставаться наедине, или для чтения жалоб своих подданных и писем эмиров, или для ответа по ним. К молитве он был очень усерден и посвящал ей значительное время. Днем он читал несколько глав из Алкорана; на ночь творил

вечернюю молитву и после того ложился спать; в полночь снова просыпался, делал омовение и продолжал молиться до утра. Утром выезжал на лошади или занимался делами. Замечательно, что пенсия, назначенная Нуреддипом своей жене, была крайне умеренна и недостаточна для ее содержания. Однажды Ради Катун поручила мосу другу жаловаться от нее Нуреддину и просить увеличения пенсии. При этом требовании Нуреддин прогневался; кровь бросилась ему в лицо, и он отвечал мосу другу: «Но откуда она хочет, чтобы я достал, чем удовлетворить ее расходы? Клянусь Аллахом! Я не намерен из-за нее осудить себя на муки адским огнем. Если она полагает, что деньги, врученные мне для хранения, составляют мою собственность, то она весьма ошибается; эти деньги принадлежат всем правоверным; я только их казначей и не хочу для ее удовольствия сделаться вероломным стражем». Потом, несколько подумав, он сказал: «Впрочем у меня остаются еще три лавки в Эмессе; пусть она возьмет их, если хочет; я их предоставляю ей». Заметьте при этом, что эти три лавки приносили самый ничтожный доход.

Нуреддин не делал ничего без доброго намерения, и вот тому доказательство. В его время в Месопотамии паходился один добродетельный человек, живший в уединении далеко от человеческого общества. Нуреддин был с ним в переписке и оказывал ему великое почтение. Совершенно случайно этот человек узнал, что государь иногда те-

---

ти Нуреддина, замечает: «Это был человек умный, осторожный, в правилах суеверия своего народа богобоязненный и счастливый распространитель отцовского наследства». Однако все, за исключением сирийских мусульман, были рады его смерти, избавившей их от строгого правителя; даже племянник Нуреддина, Саиф Эддин, султан Мосула, получив известие о смерти дяди, разрешил подданным напиться в этот день допьяна. «Всемирная история» содержит сборник всего, что было интересного для мусульман в их прежней истории и что оставалось до того времени рассеянным по различным сочинениям; она начинается 722 г. и доходит почти до года смерти автора.

Приведенная выше статья из «Истории Атабеков» составляет одну из самых полных картин внутреннего быта мусульман в эпоху Крестовых походов и заимствована нами у французского переводчика, известного востоковеда *Рено* (см. о нем ниже), поместившего свой труд в «Bibliothèque des Croisade, par Michaud» (Paris, 1829, т. IV, с. 152 и след.).